

12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. — СПб.: Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. — [Вып.] 11: Гродненская губерния. — XV, 319 с.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. — СПб.: Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1904. — [Вып.] 22: Минская губерния. — XVI, 243 с.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. — СПб.: Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. — [Вып.] 23: Могилевская губерния. — XV, 275 с.
15. Статистический ежегодник России 1914 г. (год одиннадцатый) / Центр. стат. ком. М. В. Д. — Пг.: Тип. Штаба Петрогр. Воен. окр., 1915. — XVIII, 679 с.
16. Улащик, Н.Н. Грамотность в дореволюционной Белоруссии / Н.Н. Улащик // История СССР. — 1968. — № 1. — С. 106—116.
17. Экономика Белоруссии в эпоху империализма, 1900—1917 / М.Г. Матусевич [и др.]; Акад. наук БССР, Ин-т экономики; под ред. Г.Т. Ковалевского [и др.]. — Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1963. — 423 с.

Кротов Андрей Михайлович

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Гомель, Беларусь)

ПОЛЬСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И БЕЛОРУСЫ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Первая мировая война до предела обострила польско-русские противоречия. Трудно было ожидать от поляков, являвшихся подданными Российской империи, патриотического порыва в духе «За Веру, Царя и Отечество», а также готовности жертвовать своими жизнями ради побед русского оружия. Отступление русской армии не могло восприниматься поляками трагически. Скорее даже наоборот... К тому же летом 1915 г. российские военные власти стали «эвакуировать» с территории Королевства Польского польское население, или, как писал «Goniec Wielkopolski»: «Гнать людей вместе со скотом» [1]. Поляки смотрели на происходящее как на очередную трагедию: «Сотни тысяч людей двигались под штыком и кнутом на скитание, нужду и голод, в чужой, совершенно неведомый край» [1].

Волна беженцев из Польши шла двумя путями: военные на повозках и пешком двигались по шоссе и трактам, ведущим в Беларусь, а жителей городов и местечек власти вывозили железной дорогой на восток, большей частью без какого бы то ни было плана и без точно определенного конечного пункта. Чаще всего оказывалось, что беженцам говорили, что их везут в средние или южные губернии России, а высаживали с поездов только в восточных губерниях Европейской России, а иногда даже и в Сибири.

Адаптация польских беженцев в российской глубинке происходила весьма болезненно и для них самих, и для местных жителей. Газета «*Dziennik Poznański*» в феврале 1916 г. сообщала: «На широких просторах российской державы звучат жалобы на беженцев: „Не хотят работать“ ...Добрые поначалу отношения между беженцами и местным населением начинают ухудшаться, ширится раздражение и разочарование, российская деревня ворчит, и если в дальнейшем беженцы будут отказываться работать, то... это будет им угрожать народным самосудом» [2].

На протяжении 1916 и 1917 гг. в польской прессе было опубликовано огромное количество материалов, констатирующих бедственное положение польских беженцев в России. Но в 1918 г. тон изданий стал меняться. Начался процесс восстановления польской государственности, потому было крайне необходимо форсировать работу на идеологическом фронте, мобилизуя общественное мнение и настраивая его против враждебных факторов и, прежде всего, — против русского. Начал создаваться образ врага, базой которого служили крайне негативные эмоции, возникшие в польской народной душе в связи с беженством. Они цементировали этническую солидарность поляков, затронув самую «тонкую струну» в этой душе — тему мученичества.

В августе 1918 г., например, газета «*Kraj*», анализируя ситуацию, в которой оказались польские беженцы, заявляла: «Ужасной трагедией было беженство польского населения в 1915 г. в Россию. Надо было своими глазами видеть те адские физические и моральные муки, которые испытали беженцы, надо было собственными ушами слышать их плачи и проклятья, надо было самому пережить страшные мученические скитания, чтобы понять, какую жестокую, никогда не возместимую обиду причинили польскому народу те, кто оторвал его от родной земли. Врут... те, кто утверждает, что польский крестьянин оставил родину добровольно, под влиянием каких-то высших моральных или политических факторов. Врут, ибо наибольший моральный фактор, любовь и привязанность к земле-кормилице, это наиболее развитое

в польском крестьянине чувство, приказывало ему, сильнее чем когда бы то ни было, остаться на месте... Выгнали его из страны те варварские и беспощадные силы, которые без всякой важной необходимости предавали огню целые польские села и города. Для чего? На вопрос этот, видимо, не смогли бы ответить и сами уничтожители. Для чего? Разве только для того, чтобы утолить адскую жажду уничтожения» [3].

Не всем польским беженцам довелось оказаться в глубинной России. Часть из них, и прежде всего те, кто двигался по дорогам и шоссе вместе с отступающими русскими войсками, оказались на территории Беларуси, где, казалось, могли встретить сочувственное к себе отношение со стороны местного белорусского населения, не выказывавшего к «польскости» и ее носителям того холодного отношения, которое проявляли к ним жители великорусских губерний. Казалось бы, можно было рассчитывать и на местный польский элемент. Однако и здесь судьба поворачивалась к беженцам спиной. Газета «Kurjer Poznański» в середине ноября 1915 г. писала: «35 000 польских беглецов блуждает по минским лесам... Вид этих несчастных семей... являет собой жуткий образ: оборванные, лишенные того, что необходимо для жизни, пребывают эти бедняги в наспех построенных шалашах, прячутся в норах, в этом ужасном положении терпя нехватку теплой одежды. Дети, младенцы страшно болеют. Смерть забирает их сотнями ежедневно. Ситуация ухудшается с каждым днем. Тысячи проводят свою жизнь в полудиком состоянии, обреченными на полную погибель, если как можно быстрее не придет помощь» [4]. Однако откуда эта помощь могла прийти?

Эмигрантская писательница Марина Яковлевна Белевская в своей книге «Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве, 1915—1918 гг.: личные воспоминания», анализируя отношение к простонародью самого императора Николая II и членов его семьи в момент их нахождения в Могилеве, отмечала: «Надо сказать, что царская семья не отличалась особой готовностью к оказанию помощи бедным. Они как бы не замечали убогих русских (надо понимать, белорусских. — *А.К.*) избушек, тощего скота, полураздетых ребятишек! Несомненно вид русской бедной (белорусской. — *А.К.*) деревни должен был бы всех их привести в содрогание, но этого не было, а если и было, то скрывалось под маской равнодушия и семья, которая могла бы, казалось, много сделать, как бы руководствовалась психологией всех богатых людей всего мира: „Всем ведь не поможешь!“» [5, с. 21].

Можно себе представить, с каким равнодушием и даже холодностью были встречены беженцы из Польши местным населением, ко-

торое само нуждалось в сочувствии. Складывающаяся военно-политическая обстановка не благоприятствовала исправлению ситуации.

Картина польского беженства в Беларуси, представленная в мемуарах М.Я. Белевской, чрезвычайно мрачна: «Первые (беженцы — А.К.) были люди, они могли что-то продать, кого-то попросить, кому-то что-то объяснить; вторая же партия, наводнившая все окрестности Могилева, — была безгласна. Их жалобы никто не слышал. И они умирали голодной смертью без криков и проклятий. Это был скот из Польши. По приказу свыше весь польский скот, чтобы не попасть в руки врага, был эвакуирован вглубь России. Предусмотрено было все, за исключением фуража. Тысячи коров и лошадей падали по дороге... К Могилеву подошло стадо скелетов, обтянутых кожей, издыхающее и наводящее ужас. Был издан приказ распределить скот по усадьбам помещиков и крестьян, но никто не хотел брать больного и зараженного скота. Те, кто из жалости его брали, давали приют на несколько дней, пока измученное животное не издыхало... Тысячи туш разлагались по дорогам, заражая воздух зловонием» [5, с. 11].

В сентябре 1915 г. германские войска прорвали Восточный фронт. Только невероятным усилием российской армии удалось остановить это наступление, и в октябре 1915 г. российско-германский фронт на территории Беларуси надолго установился по линии Двинск — Постава — Барановичи — Пинск. Под германской оккупацией оказалась четвертая часть Беларуси. Отступление российских войск в 1915 г. вызвало, как перед этим в Царстве Польском, массовое, зачастую принудительное беженство жителей Беларуси на восток.

На оставшейся под властью российского военного командования территории Беларуси ситуация была очень непростой. В Витебской, Минской и Могилевской губерниях в российскую армию было мобилизовано более половины всех трудоспособных мужчин, и в белорусской деревне стала остро ощущаться нехватка рабочих рук. Вместе с беженством и бесконечными реквизициями, инфляцией это вызвало резкое подорожание продуктов питания и товаров первой необходимости. Переживаемые белорусами тяготы военного времени сужали все их интересы к проблеме собственного выживания. Польские беженцы в этой ситуации были, мягко говоря, не совсем кстати. Безразличие и холодность, которые они в годы Первой мировой войны в Беларуси встретили, несомненно, в какой-то степени провоцировали и мотивировали жесткость поляков в отношении белорусов, оказавшихся в будущем под ярмом польской оккупации.

Библиографический список

1. «Inna metoda» // *Goniec Wielkopolski*. — 1918. — 3 maja // *Archiwum Akt Nowych (AAN)*. Centralna agencja Polska w Lozannie. — Plik 39. — Dz.: EW 5b. — L.118.
2. Nie chcą pracować // *Dziennik Poznański*. — 1916. — 29 lutego // *AAN*. Centralna agencja Polska w Lozannie. — Plik 39. — Dz.: EW 7. — L.275.
3. Z dzieów męczeństwa ludu polskiego // *Kraj*. — 1918. — 11 sierpnia // *AAN*. Centralna agencja Polska w Lozannie. — Plik 38. — Dz.: EW 1. — L.51.
4. *Kurjer Poznański*. — 1915. — 10 listopada // *AAN*. Centralna agencja Polska w Lozannie. — Plik 38. — Dz.: EW 3. — L.189.
5. Белевская (Летягина), М.Я. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве, 1915—1918 г.: личные воспоминания / М.Я. Белевская (Летягина). — Вильно: М.Ф. Соколов, 1932. — 48 с.

Кульпанович Ольга Александровна

*Белорусская медицинская академия последипломного образования
(Минск, Беларусь)*

МЕДИЦИНА И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1918 гг.)

Первая мировая война явилась одним из самых широкомасштабных вооруженных конфликтов в истории человечества. С объявлением мобилизации в русскую армию, дополнительно к 3575 кадровым врачам, призвано 6348 врачей запаса и 2754 врачей ополчения старше 45 лет. В июле и декабре 1914 г., затем весной 1915 г. состоялся призыв 1438 зауряд-врачей. Несмотря на принимавшиеся меры, комплект врачей в армии в 1916 г. составлял 2700 чел., к весне 1917 г. — 3151 или 27 %. Впервые был поставлен вопрос об обязательности службы для женщин-врачей в военно-лечебных учреждениях фронтового подчинения и, преимущественно, тыла страны. Обеспеченность армии средним медицинским персоналом была несколько лучшей. К состоявшим на действительной службе 9600 кадровым фельдшерам прибавились после объявления мобилизации 16 тысяч «запасных фельдшеров». До весны 1917 г. в дополнение к ним направлено еще 6155 фельдшерских учеников и 344 только что выпустившихся из фельдшерских школ. Комплект специалистов этой категории не превышал 10—12 % к штату. Кроме них, в действующей армии и ее лечебных учреж-